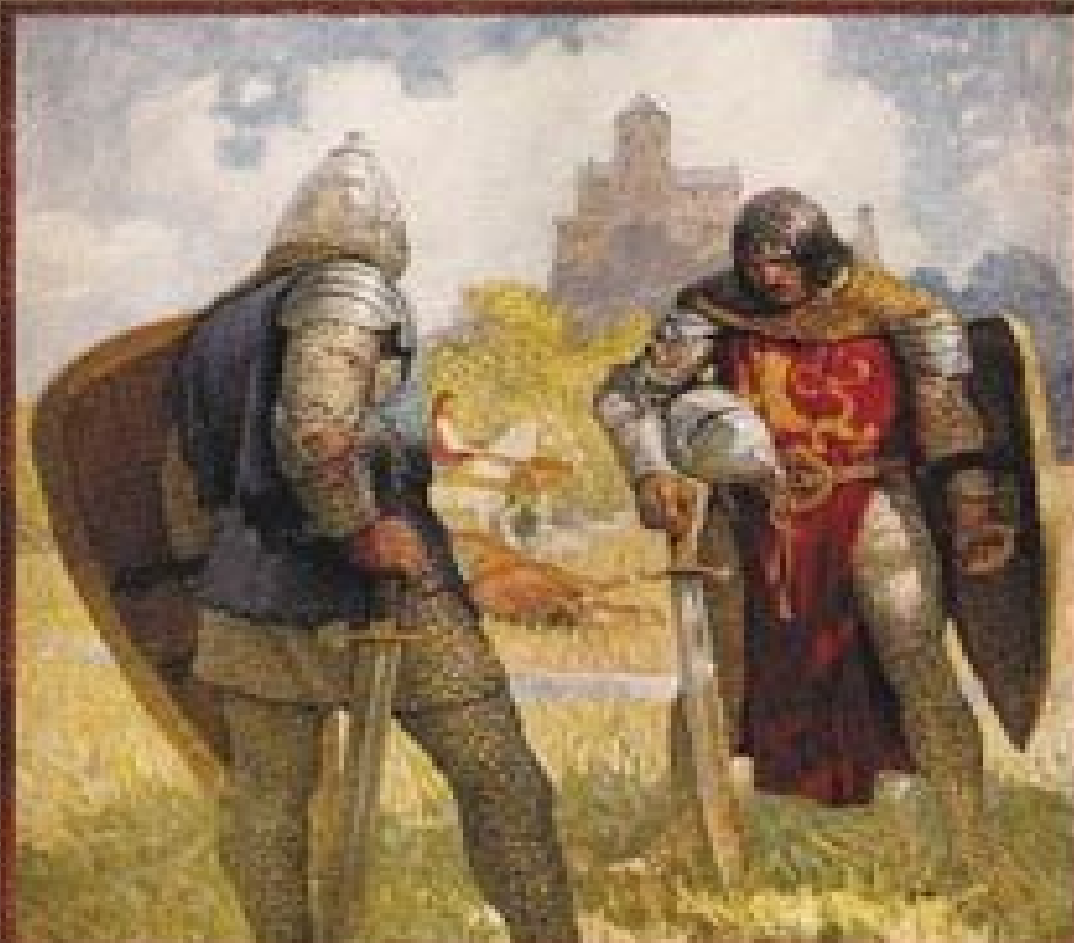

Янки из Коннектикута при дворе короля Артура

Роман Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» может быть с полным правом поставлен в один ряд с лучшими произведениями писателя.

Эта необычная книга сочетает в себе фантастику, пародию и жизнерадостный юмор. Марк Твен просто не умел писать скучно, чему данный роман и служит прекрасным доказательством.

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МАРК ТВЕН

Янки из Коннектикута
при дворе короля Артура

Иллюстрированное издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОСМАН

Янки из Коннектикута при дворе короля Артура

Марк Твен

Марк Твен

**Янки из Коннектикута при дворе короля
Артура**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012

ISBN 978-966-14-4023-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Твен Марк

Т26 Янки из Коннектикута при дворе короля Артура / Марк Твен ; пер. с англ. Н. Федоровой ; вступ. материалы Р. Трифонова и Е. Якименко ; худож. Д. Скляр. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2012. — 416 с. : ил. — (Серия «Золотая библиотека приключений», ISBN 978-966-14-1318-3 (Украина), ISBN 978-5-9910-1598-1 (Россия)).

ISBN 978-966-14-3497-3 (Украина, т. 9)

ISBN 978-5-9910-1997-2 (Россия, т. 9)

УДК 821.111(73)

ББК 84.7США

Факты, даты, цитаты

Кем он был? Марк Твен о себе

...В начале войны я две недели пробыл солдатом, и все это время за мной охотились, как за крысой. Знаком ли я с жизнью солдата?..

Да кроме того, я несколько недель ворочал серебряную руду на обогатительной фабрике и познал все последние достижения культуры в этой области...

А кроме того, я был золотоискателем и могу отличить богатую породу от бедной, просто попробовав ее на язык. А кроме того, я был рудокопом на серебряных рудниках и умею отбивать породу, отгребать ее, бурить скважины и закладывать в них динамит...

А кроме того, я четыре года был репортером и видел закулисную сторону многих событий...

А кроме того, я несколько лет служил лоцманом на Миссисипи и был близко знаком со всеми разновидностями речников — племени своеобразного и ни на какие другие не похожего.

А кроме того, я несколько лет был бродячим печатником и переезжал из одного города в другой...

А кроме того, я много лет читал публичные лекции и произносил речи на всевозможных банкетах...

А кроме того, я издатель...

А кроме того, я вот уже двадцать лет — писатель и пятьдесят пять лет — осёл.

Ну так вот: поскольку самым ценным капиталом, культурой и эрудицией, необходимым для писания романов, является личный опыт, я, следовательно, неплохо экипирован для этого ремесла.

Происхождение псевдонима

По книге Ф. Фонера «Марк Твен — социальный критик»

В августе 1862 г. Марк Твен нанялся в газету «Territorial Enterprise» в Вирджиния Сити на должность местного репортера и очеркиста.

Одна из статей, появившаяся в номере от 2 февраля 1863 года, стала исторической, и не столько сама по себе, сколько благодаря стоявшей под ней подписи. Это была первая корреспонденция Сэмюэла Л. Клеменса, подписанная псевдонимом «Марк Твен». «By the mark twain» (у отметки «два») — это возглас лотового на корабле, когда, промеривая глубину реки, он убеждается, что линь опустился до узла, показывающего две сажени. Возглас этот означает, что судно в безопасности, так как под ним двенадцать футов воды. Скоро эти два слова стали известны всему миру как самый прославленный псевдоним, когда-либо избранный писателем. Псевдоним этот существовал и раньше; вот что писал по этому поводу Твен (1874 г.): «Марк Твен — псевдоним некоего капитана Айсайи Селлерса, когда-то подписывавшего им свои заметки для новоорлеанской “Пикаюн”. Селлерс умер в 1863 году, и, так как этот псевдоним ему теперь без надобности, я самовольно взял его себе, не спросив разрешения у почившего владельца. Такова история моего псевдонима».

По книге Лиз Соннеборн «Марк Твен»

Возможно также, что имя «Марк Твен» возникло как шутка среди друзей Клеменса. Предполагают, что он заказывал напитки в барах, используя эту фразу. «Твен» означало, что нужно два напитка. «Марк» было указанием бармену записать (to mark) заказ на его счет, потому что у Клеменса в этот момент не было с собой денег, чтобы заплатить. Каким бы ни было его происхождение, имя Марк Твен приклеилось к писателю. Даже самые близкие приятели Клеменса стали называть его «Марк» вместо «Сэм».

Марк Твен и современники

Ральф Уолдо Эмерсон (1803—1882), *американский поэт и философ*

Клеменс и Эмерсон впервые встретились в Бостоне в 1874 г. Три года спустя, на банкете в честь дня рождения Дж. Уиттге, Твен произнес бурлескную речь, в которой изобразил самых уважаемых в то время американских писателей Эмерсона, Генри Лонгфелло и Оливера Холмса в карикатурном виде как неотесанных хулиганов. Позже он извинился перед Эмерсоном и остальными, но Эмерсон слишком плохо слышал, чтобы понять речь Марка Твена, и потому не был обижен.

Гарриет Бичер-Стоу (1811—1896), *американская писательница, с которой Марк Твен долгое время жил в одном городе — Хартфорде*

По книге М. О. Мендельсона «Марк Твен»

Твен держал себя с Бичер-Стоу просто и непринужденно, зачастую пугая этим Оливию Клеменс (*жена писателя*).

Однажды, когда Бичер-Стоу собиралась куда-то уезжать, Твен зашел к ней рано утром, чтобы попрощаться. Когда писатель вернулся домой, его жена пришла в ужас: ведь он был без воротничка и галстука.

Ничего не сказав, Твен упаковал воротничок и галстук и послал пакет Бичер-Стоу с запиской следующего содержания: «Прошу принять явившиеся к Вам с визитом дополнительные части моей персоны».

Дэн Де Квилл (Уильям Райт, 1829—1898), *невадский журналист, друг писателя; в статье 1893 года «Репортаж с Марком Твеном»*

Марк Твен-репортер относился ревностно и с энтузиазмом к той работе, которая ему нравилась, — тут он был просто неутомим... Он терпеть не мог иметь дело с цифрами, вычислениями, со всем тем, что относилось к рудникам и машинам.

Льюис Кэрролл (1832—1898), *английский писатель*

Кэрролл и Клеменс встретились в Лондоне в июне 1873 г. В опубликованных дневниках Клеменс лишь коротко упоминает об этой встрече. Зато в своей «Автобиографии» он описывает Кэрролла как «самого тихого и скромного взрослого человека, которого когда-либо встречал».

Френсис Брет Гарт (1836—1902), *американский писатель*

О первой встрече с Марком Твеном в нач. 1860-х гг.

Он имел удивительную голову: курчавые волосы, орлиный нос и орлиные глаза — такие, что даже второе веко не удивило бы меня, — необычайная натура! Брови у него были густые и кустистые, одет он был небрежно, и его главной чертой было величавое равнодушие к окружению и обстоятельствам.

Особенность его таланта в том, что он при желании пишет хорошо и по-настоящему серьезно, а ведь это и есть пробный камень истинного юмора.

Джордж Бернард Шоу (1856—1950), *английский драматург и публицист*

Он научился говорить так, чтобы люди, которые, догадайся они, о чем идет речь, тут же бы его вздернули на виселицу, были убеждены, будто он всего лишь шутит.

В письме к Марку Твену

Я убежден, что для будущего историка Америки Ваши произведения будут столь же незаменимы, как политические трактаты Вольтера — для историков Франции.

Редьярд Киплинг (1865—1936), *английский писатель*

На пути в Англию из Индии Киплинг остановился в Соединенных Штатах, чтобы встретиться со своим литературным героем — Марком Твеном, которому он нанес неожиданный визит в Элмайре в 1889 г. Позже Киплинг вспоминал, как рад был не разочароваться,

«оказавшись лицом к лицу с почитаемым писателем». В 1903 г. Киплинг назвал Марка Твена «великим и божественным Клеменсом» и вообще часто упоминал его в своей публицистике.

Максим Горький (1868—1936), *русский писатель*

О встрече с Марком Твеном во время поездки в США в 1905 г.

У него на круглом черепе — великолепные волосы, — какие-то буйные языки белого, холодного огня. Из-под тяжелых, всегда полуопущенных век редко виден умный и острый блеск серых глаз, но, когда они взглянут прямо в твое лицо, чувствуешь, что все морщины на нем измерены и останутся навсегда в памяти этого человека. Его сухие складные кости двигаются осторожно, каждая из них чувствует свою старость. ... Он кажется очень старым, однако ясно, что он играет роль старика, ибо часто его движения и жесты так сильны, ловки и так грациозны, что на минуту забываешь его седую голову.

Клара Клеменс (1874—1962), *вторая из трех дочерей Марка Твена*

Отец, конечно, гений, — и именно это так меня утомляет. ...

Но отцу тоже приходится многое терпеть. Когда мы последний раз были в Лондоне, на Риджент-стрит на него набросилась почтенная старая леди, которая сердечно трясла ему руку и страстно повторяла: «Я всегда хотела пожать вам руку». Мой отец, который особенно хорошо себя чувствовал после долгого дневного отдыха, был очень тронут и благодарно ответил: «Значит, вы знаете меня, мадам?» «Конечно, знаю, — ответила старая леди с энтузиазмом. — Вы Баффало Билл!» (*Баффало Билл (Уильям Кодди, 1846—1917) — американский военный, охотник на бизонов; устраивал популярные зрелища, воссоздающие сцены из быта индейцев и ковбоев.*)

Журнал «Atlantic Monthly» (1892 г.)

Читая Марка Твена, вы никогда не знаете, с чем столкнетесь в ближайшую минуту, и это увеличивает очарование. Хотя преобладает смех, но шут то и дело сбрасывает свой колпак с бубенцами, и вас с необыкновенной силой поражает какой-нибудь трагический пассаж.

Фрэнк Р. Стоксон, *писатель, романист, юморист*

Самая характерная его черта — смелость. ... Другая характерная черта Твена — чистый, неразбавленный юмор... Не надо, однако, забывать, что Твен не ограничивается юмором ситуаций и обстоятельств. Он артистически владеет всеми средствами языка, но именно смелость придает как его языку, так и его изобретательности неповторимую силу и прелесть. ... Философия, разумеется, изначально заключалась в его юморе и была зачастую его неотъемлемой частью, хотя не всякий это замечал. Однако со временем философ в Твене окреп, вырос и был уже в состоянии стоять на собственных ногах, а в некоторых позднейших произведениях он уже не только уверенно стоит на ногах, но и смело ввязывается в борьбу.

Элен Келлер (1880—1960), *американская писательница; в двухлетнем возрасте потеряла зрение, слух и речь, но с помощью специальной системы обучения смогла получить хорошее образование. Была другом Марка Твена с 1895 г. до конца его жизни.*

Всю жизнь он боролся с несправедливостью, где бы ее ни обнаруживал: в отношениях между людьми, в политике, в войне. Я ценила его общественные взгляды, возможно, потому, что они очень часто были похожи на мои собственные.

Он считал себя циником, но цинизм не делал его равнодушным к владычеству жестокости, злобы и лицемерия. Он часто говорил мне: «Элен, в мире очень много зрячих, но равнодушных глаз». Он кипел от

негодования, наталкиваясь на равнодушное, покорное отношение к любому злу, которое можно было исправить.

Знаменитые читатели о Марке Твене

Бут Таркингтон (1869—1946), *американский писатель*

Когда я думаю о подлинных Соединенных Штатах, частью этого понятия для меня стал Марк Твен. Ибо, хотя он был полноправным гражданином мира, он был еще и Душой Америки.

Франклин Рузвельт (1882—1945), *32-й президент США*

Марк Твен был воплощением того чувства юмора, без которого немислимо существо американской человеческой природы. Марк Твен, конечно, не принес юмор американскому народу — он взял его от него.

Корней Иванович Чуковский (1882—1969), *советский писатель*

Он не то чтобы «знал Америку», не то чтобы «изучил Америку», он впитал Америку в себя, и жизнь его была «самая американская» и творчество его было «самое американское» изо всех. ... Марк Твен — первое, полнейшее порождение американской культуры, совершеннейший ее выразитель. ... Вся духовная сила Твена была в сверхъестественном, необычайном слиянии со своим народом.

Уильям Фолкнер (1897—1962), *американский писатель*

Марк Твен был первым подлинно американским писателем, и все мы — его наследники, продолжатели его дела. Писатели, считавшиеся американскими до Твена, в действительности не были таковыми; они опирались на европейскую литературную традицию, на европейскую культуру. И только с Твеном, с Уолтом Уитменом появилась подлинно самобытная американская литература.

Эрнест Хемингуэй (1899—1961), *американский писатель*

Вся современная американская литература вышла из одной книги Марка Твена.

Джордж Оруэлл (1903—1950), *английский писатель*

Читая Твена, испытываешь удивительное ощущение, что он готов сказать что-то еще, но не решается.

Истории о Марке Твене, забавные и грустные, произошедшие с писателем и выдуманные им самим

По книге М. О. Мендельсона «Марк Твен»

О периоде, когда писатель работал репортером в газете «Territorial Enterprise» в Вирджиния Сити, — начало 1860-х гг.

Немалой популярностью в кругу молодых журналистов города Вирджиния Сити пользовались так называемые практические шутки. Это был своего рода розыгрыш. Когда редактор «Territorial Enterprise» Гудман отправился отдыхать на озеро Тахо, его временный заместитель Марк Твен шутки ради выпустил специальный номер газеты (в одном-единственном экземпляре) с материалом, который неизбежно должен был вызвать недоумение и даже ярость Гудмана. Некоторые из напечатанных в газете сообщений не соответствовали

политическим позициям Гудмана, другие могли вызвать обвинение в клевете. Получив газету, редактор немедленно вернулся в Вирджиния Сити. В обычном номере газеты ничего «криминального» он, разумеется, не нашел.

Отправившись в новую поездку, Гудман оставил Твена своим заместителем. Временный редактор раскритиковал людей, неохотно вносивших свою лепту в Санитарный фонд. Он осудил также редактора другой местной газеты, Лейрда, взявшего под защиту лиц, против которых Твен выступал.

Лейрд не остался в долгу. Марка Твена обозвали «лгуном, щенком» и т. п. Такое оскорбление нельзя было оставить без внимания. В дело вмешался Стив Гиллис [*друг и коллега Марка Твена*]. Он предложил послать оскорбителю вызов на дуэль. Твен отнесся к предложению Гиллиса без особого энтузиазма. Однако отказаться от защиты своей чести, когда даже посторонним видно, что она оскорблена, было невозможно. Вызов послали. Лейрд не торопился отвечать. Возмущенный Твен послал вторичный вызов. Наконец дуэль была назначена.

Как развернулись события в дальнейшем, установить с полной достоверностью не представляется возможным. Сам Твен многократно рассказывал (и его версию подтвердил Стив Гиллис), что дуэлянты собрались в назначенный час. Дальше произошло, если верить Твену и Гиллису, примерно следующее.

На поле чести Твен обнаружил Лейрда с его секундантами. Он тренировался в стрельбе. Твен тоже всю ночь учился стрелять из пистолета. Стив решил преподать Сэму последний урок. Он выстрелил в птичку. Подошли Лейрд и его секунданты. У птички была начисто отстрелена голова.

— Кто это сделал? — спросил один из секундантов.

— Сэм, — ответил Гиллис.

— С этим человеком драться нельзя. Это будет самоубийством, — заявил Лейрду его секундант.

Редакторы конкурирующих газет города Вирджиния Сити решили отказаться от всех нанесенных друг другу оскорблений.

Вполне возможно, что эта забавная история была порождена живым воображением писателя-юмориста и его безудержно веселого приятеля. Есть предположение, что дело было улажено каким-то другим, менее занимательным образом.

Конец 1890-х гг.

В эти годы Твен жил в Европе. Его отношения с окружающим миром все больше разлаживались. ... Весь мир обошла фраза Твена, сказанная, когда распространился слух, что он умер: «Слух о моей смерти сильно преувеличен».

В записной книжке Твена мы читаем: «Меня посетил мистер Уайт, здешний корреспондент “Нью-Йорк джорнел”, и показал две телеграммы из своей редакции.

Первая: “Если Марк Твен умирает в Лондоне в нищете, шлите 500 слов”.

Вторая (более поздняя): “Если Марк Твен умер в нищете, шлите 1000 слов”.

Я объяснил ему, в чем дело, и продиктовал ответную телеграмму примерно такого содержания: “Джеймс Росс Клеменс, мой родственник, был серьезно болен две недели тому назад; сейчас он поправился... слух о моей смерти сильно преувеличен. Марк Твен”».

По книге М. Н. Бобровой «Марк Твен. Очерк творчества»

Его новогодняя шутка (1909 г.) облетела весь мир. Твен так приветствовал своих читателей перед праздником: «Газеты пишут о моей смерти. Неверное обвинение. Я никогда в жизни этого не сделаю (at my time of life). Я веду себя так хорошо, как могу. Всем веселого Рождества».

По книге Р. Кента Расмуссена «Critical companion to Mark Twain»

В наше время Марка Твена изображают чаще всего как пожилого человека с пышными белыми волосами и в белом костюме. Из того, как часто мы видим писателя в такой одежде, можно сделать вывод, будто он не носил ничего другого. На самом деле Клеменс не появлялся в обществе в таком виде до 71 года. Однако начал он драматически, появившись в Вашингтоне в декабре 1906 г., посреди зимы, одетый в ослепительно белый костюм. После этого он иногда появлялся в таком костюме на публике, но не постоянно. Существуют разные предположения о том, почему Марк Твен в свои последние годы так любил белую одежду. Его друг Уильям Хоуэлс объяснял это тем, что писателю нравилось шокировать людей. Сам же Клеменс считал белый костюм выражением своей свободы.

Рассказ полковника Джорджа Харви, издателя, о кровати и кошке Марка Твена (в интервью «Washington Post», 1905 г.)

Думаю, сейчас из всего, что касается Марка Твена, самое смешное — это не его сочинения, а его кровать. Он много времени проводит в кровати; это установившаяся привычка. Его кровать — самая большая из всех, которые я когда-либо видел, и на ней — самая странная из виденных вами коллекция предметов, которой хватит, чтобы обставить квартиру в Гарлеме: книги, письменные принадлежности, одежда, всякая всячина, которую он смог собрать вокруг себя.

Он выглядит вполне счастливым, возвышаясь над этой массой, и по всему этому бродит кошка с очень скверным нравом. Она бросается, рычит, царапается и кусается, и Марку Твену достается так же, как и всем остальным; когда кошка устает разрывать рукописи, она царапает его, и он выносит это с удивительным терпением.

По книге Лиз Соннеборн «Марк Твен»

В детстве Сэмюел Клеменс разделял любовь своей матери к кошкам. А когда он был взрослым, ему нравилось, чтобы в доме было хотя бы несколько кошек, независимо от того, где он жил. Он любил давать им забавные имена. ... Уже будучи пожилым человеком, Твен однажды остался в летнем доме без кошки. Вскоре он исправил положение, одолжив у соседа нескольких котят, которых вернул, когда лето закончилось.

Марк Твен — «лектор»

По книге М. О. Мендельсона «Марк Твен»

Конец 1860-х гг.

Известность Твена как шутника, умеющего заставить смеяться даже самых мрачных людей, ширилась. Он часто выступал на званых обедах

и еще чаще читал юмористические «лекции» на разные темы, а то и вовсе без определенной темы, но с обильным количеством острот, шуток. В одном объявлении было перечислено тридцать восемь тем, которые будут затронуты в «лекции» Твена, а затем говорилось, что «тщательно продуманные остроты будут прикреплены к каждой из них».

Посетители твеновских «лекций» получали изрядную дозу юмора еще до того, как входили в зал. Однажды на улицах Сан-Франциско появилась интригующая листовка. Она начиналась с требования виднейших граждан, чтобы Твен убрался поскорее из города. Дальше был напечатан ответ Твена его гонителям. За ним следовало грозное предупреждение — за подписями ряда организаций — не устраивать лекции. В заключение прозвучали слова самого начальника полиции: «Лучше убирайтесь вон!»

Автором всей листовки был, конечно, Твен. Вечером зал оказался битком набитым.

Газета «Tribune» (Чикаго, 1869 г.)

Мистер Твен у нас достаточно популярен, его публичные выступления подхватываются всей прессой. Однако нижеследующий очерк будет небезынтересен для тех, кто ни разу не имел удовольствия его видеть. Природа наградила м-ра Твена длинными ногами, в нем пять футов десять дюймов росту в башмаках, вес — сто шестьдесят семь футов, сложения стройного, мускулистого; круглая голова горделиво сидит на массивной шее; чулки и башмаки ему приходится заказывать, такого размера нет в продаже. ... Он носит пояс с курительными принадлежностями. Табак предпочитает курить. Спиртного в рот не берет. В уголках его губ всегда таится легкая улыбка. Глаза сидят глубоко и сверкают, как звезды темной ночью. Лоб выдается из-под шапки темных кудрей, защищающих голову от непогоды. Но всего лучше его лицо: приветливое, всегда смеющееся, оно светится юмором и душевной добротой. Невольно представляешь себе, что из него выйдет прекрасный супруг и ласковый отец... У него своя характерная

манера: он держится просто, непринужденно; то облокачивается на кафедру, то легко и размашисто выступает из-за нее, то расхаживает взад и вперед, отмеривая своими сапожищами целые ярды.

Чувствуется, что он первый готов смеяться своим шуткам, но сдерживается, и только дойдя до конца, дает себе волю. Слова он произносит размеренно, в растяжку и скорее монотонно, и это как нельзя лучше подходит ко всей его манере говорить. Шутку он обычно приберегает к концу фразы и выдерживает паузу. Когда вы меньше всего ждете, он вдруг роняет какое-нибудь нарочито сухое замечание, от которого все смеются до упаду, а тех, кто посмешливее, так разбирает смех, что они рискуют потерять все жилетные пуговицы...

По статье А. М. Зверева «О специфике смехового искусства Марка Твена»

Сохранился устный рассказ Марка Твена: в городке Утика устраивают вечер, и, когда он выходит из-за кулис, в зале поднимается хохот. Смеются все, хотя человек, стоящий на эстраде, еще не произнес ни слова. Твен растерянно смотрит по сторонам, комкая в ладонях рукопись, которую собирался прочесть. Так продолжается десять минут, пятнадцать — зал не стихает. Распорядители в отчаянии, по знаку администратора дают занавес. Только тогда публика утихомиривается, и рукопись наконец развернута. Но достаточно Твену произнести первую фразу, как собравшимися вновь овладевает неистовое веселье.

По книге М. Н. Бобровой «Марк Твен. Очерк творчества»

Один современник рассказывает, что он слушал Марка Твена, «задыхаясь от смеха», и думал, что лектор делает юмористическое вступление к лекции обычного типа и сейчас приступит к серьезному материалу. Но, к удивлению слушателя, лектор вдруг поклонился и исчез. Слушатель взглянул на часы. Оказалось, прошло больше часа с начала «лекции», а ему показалось, что не прошло и десяти минут.

Марк Твен, по мнению **Генри Ирвинга**, выдающегося американского актера, обладал большим сценическим талантом. Однажды Ирвинг видел игру Марка Твена на сцене. После представления он сказал писателю: «Вы сделали ошибку, что не выбрали сцену как профессию. Вы были бы более великим актером, нежели писателем».

Юмор Марка Твена

Журнал «Harpers Monthly» (1897 г.)

Мир постепенно приходит к сознанию, что Марк Твен не только юморист, а нечто неизмеримо большее.

Чарльз Майнер Томпсон в «Atlantic Monthly» (1897 г.)

За юмористом в Марке Твене кроется проницательный наблюдатель, человек с серьезными взглядами на жизнь, пламенный сторонник преобразования общества, знающий все его многочисленные недуги и с негодованием обличающий их перед миром. Его цепкая память, удерживающая мельчайшие подробности, его воображение, отличающееся точностью микроскопа, и неподдельный интерес к серьезным сторонам жизни придают созданным им картинам жизни той грубой среды, в которой он вырос, удивительную правдивость и значимость.

Стивен Ликок (1869—1944), канадский писатель

Если Марк Твен и не создал американского юмора, то по крайней мере обнаружил его и кое-что сделал из этого. Он не совершил того, что сделал Шекспир для английской драмы и Мильтон для ада. Но он нанес юмор на карту.

Арчибальд Гендерсон (1877—1963), *американский ученый*

За юмором в качестве авторского подтекста звучит тревога о человеке, величайшая серьезность и пафос, всеобъемлющие интересы, говорящие об истинной мощи и величии писателя. Все это свидетельствует о том, что Марк Твен был большим художником, истинным философом и моралистом, столь преданным идеалам гуманности, что его можно считать подлинным социологом по духу, мечтавшим о лучшем будущем для человека.

Карл ван Дорен (1885—1950), *американский литературовед*

Постепенно заслуги Твена-юмориста все больше отступают на задний план по сравнению с его выдающимися заслугами истолкователя действительности. Мир, знавший живого Твена, зачастую не умел кое в чем отличить его от своего любимого клоуна... А между тем мир мыслящий, которому дано хранить в веках немеркнущую славу писателя, открывает все больше и больше оснований чтить его память, по мере того как выходят в свет его посмертные произведения.

Алексей Матвеевич Зверев (1939—2003), *русский писатель, литературный критик*

Тайну бессмертия его комических произведений объясняли совершенно по-разному, и несомненно лишь то, что они не пережили бы своей эпохи, если бы юмор для Твена был лишь «ароматом» и «украшением». В действительности он заключал в себе целостный и самобытный образ мира, выражая определенный взгляд на жизнь и располагая специфическими средствами для того, чтобы сделать

подобное ощущение бытия фактом завершенной художественной реальности, которая выстроена по собственным строгим законам.

Современники Твена, за крайне редкими исключениями, этого не сознавали, и здесь таилась причина конфликта с аудиторией, постепенно выявившегося очень определенно и обернувшегося творческой драмой.

Павел Вячеславович Балдицын, автор книги *«Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы»*, 2004 г.

Он был гением смеха, это ощущали все его читатели и поклонники. Надо сказать, что в его время звание юмориста ни почтения, ни почета не приносило, это определение имело явно пренебрежительный оттенок, между юмористом и писателем пролегла дистанция огромного размера. Юморист был шутом, развлекателем, чем-то вроде клоуна в цирке. И это весьма беспокоило Твена. Он жаждал быть серьезным писателем, однако именно клоунада, литературное шутовство стало главной формой проявления его гения, так же как в простонародном юморе границы воплотился истинный дух американского народа. Марк Твен воспринял эту народную смеховую стихию и создал из нее высокую литературу. Из хвостовского фольклора Твен сумел извлечь великую поэзию, а вульгарную форму ярна [*жанр американского фольклора — растянутый рассказ-небылица*], этого сплетения анекдотов, он сделал утонченной формой юмористической новеллы. Вольный дух профанации и мистификации, осмеяния святынь и пародии пронизывает все его творчество и определяет важную особенность американского мышления.

Марк Твен

Юмор? Ну конечно, у меня юмор. И такой, что вполне подойдет для молитвы по усопшему. Никто даже не заметит, что тон ее не вполне уместен.

О романе «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»

Сюзанна Клеменс (1872—1896), *старшая дочь писателя*

Запись 1886 года

Мама и я волновались последнее время, потому что папа, с тех пор как он издал книги генерала Гранта, совершенно забыл, казалось, свои собственные. Но однажды вечером, когда я и папа беседовали в библиотеке, он сказал мне, что думает создать одну книгу и после этого согласен больше ничего не писать, умереть.

Книга, о которой говорил Марк Твен, — «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»; в это время он уже работал над ней.

Уильям Дин Хоуэлс (1837—1920), *американский писатель и критик*

Далекая сказка артуровских дней звучит как печальная повесть нашего времени.

Наш юморист представлен здесь в полный свой рост, таким, каким мы его знаем; но здесь он больше чем юморист, и его глубокая, страстная, порой яростная ненависть к несправедливости и проповедь равенства захватывают вас в многочисленных приключениях и событиях романа. Чудесная сатира, несравненное остроумие, задорный, свободный, неистовый юмор — таковы краски этого гобелена, основой которого служит человечность, пронизывающая каждое волокно. Вас

ежеминутно потешают, но в то же время и поучают, давая вам уроки демократии... Чувствуется, что в эту книгу наш «записной» юморист вложил больше себя, чем он это обычно делает.

Марк Твен о своей книге

После того как книга была негативно встречена критиками.

Я не писал для тех, кто считает себя критиками, и вообще не позволю, чтобы они своими руками хватили мою книгу. Это моя лебединая песня, мой уход из литературы, и я хотел бы пойти на кладбище незапятнанным... Да, моя книга создана — пусть выходит, но если бы мне пришлось ее писать снова, не было бы выпущено так много. Это жжет меня, это продолжает расти и расти, но это теперь не может быть сказано.

Книга написана не для Америки; я писал ее для Англии. Столько англичан с самыми лучшими намерениями старались научить нас уму-разуму, что мне кажется, пора уже и нам в благодарность постараться немножко встряхнуть английскую нацию, чтобы и она в свою очередь могла подняться на следующую ступень зрелости.

Незадолго до смерти, в письме дочери Кларе, 10 марта 1910 года

Вчера я прочел «Янки при дворе короля Артура» в первый раз по прошествии тридцати с лишним лет. Я остался необыкновенно

доволен этой книгой — большой, доставивший мне удовольствие сюрприз!

Мария Несторовна Боброва, автор книги о творчестве Марка Твена

Сюжет романа был навеян легендами об Артуре, обработанными Томасом Мэлори, которые Твен прочел в 1883 году. Заметки Твена 1883—1884 годов говорят о том, что роман вначале был задуман только как юмористический. Твен обыгрывал ситуацию: человек XIX в. попал в условия жизни VI века. Прошло пять-шесть лет, богатых значительными политическими событиями. В 1888 году Твен принялся за окончательную доработку романа. *[Работа над романом продолжалась с октября 1888 г. по август 1889 г.]* Оригинальный фантастический сюжет с острыми и волнующими коллизиями, картины драматической борьбы, разнообразие и богатство языка — все это получило новую окраску.

Теперь Марк Твен создавал сатирический, а не только комический роман.

Янки — условная фигура комической литературы 30-х годов XIX века. В газетных шаржах, юмористических рассказах образ янки бытовал в течение нескольких десятилетий. Твен сохраняет внешние черты этого образа: самоуверенные манеры, «простецкий» язык.

Хотя янки, по словам Твена в беседе с иллюстратором романа Картером Бирдом, «не обладает ни утонченностью, ни университетским образованием», — он всемогущ. ... С помощью смещения исторической перспективы фигура янки становится необычайной, преувеличенной, фантастической. Янки — с точки зрения человека средних веков — бог, маг, чародей. ... С большим искусством пользуется здесь Твен традиционной фольклорной фантастикой преувеличения человеческих возможностей. Технические достижения XIX века не удивительны для человека этой эпохи, зато они фантастичны и чудесны для людей VI века.

Анна Сергеевна Ромм, автор книги о творчестве Марка Твена

Воображение Твена здесь питается вполне реальными жизненными фактами, происходящими где-то рядом с ним, и ощущение этой близости определяет всю атмосферу романа, а до известной степени и сам характер его замысла. Секрет романа о средневековье заключается в том, что его автор обнаружил «средневековье» в XIX в. Уже здесь он приближается к мысли о том, что «нынешний день человечества ничуть не лучше вчерашнего», выраженной им с вполне логической ясностью в одном из писем 1900 г.

Павел Вячеславович Балдицын

«Янки...» — это иронический роман-игра, основным художественным принципом которого стало столкновение разнородного и соединение несоединимого, гротескная природа его образов несомненна. Но за его оглушительным комизмом скрывается трагическая притча о человеке, который пытался ускорить прогресс и «перепрыгнуть» через тринадцать веков, но потерпел сокрушительное поражение; за веселыми приключениями практичного и мастеровитого Янки среди рыцарей, дам, монахов и кудесников таится горечь человека, опередившего свое время.

Что сказал Марк Твен...

О писателях

Существует три безошибочных способа угодить автору, и они составляют возрастающую шкалу похвалы: 1) сказать писателю, что вы читали одну из его книг; 2) сказать, что вы читали все его книги; 3) попросить позволения прочесть рукопись его книги, готовящейся к изданию. № 1 обеспечит вам его уважение; № 2 обеспечит вам его восхищение; № 3 поместит вас прямо в его сердце.

О книгах

В ответ одной леди, спросившей, не считает ли Марк Твен, что книга — это самый полезный подарок.

Из большого тома в кожаном переплете получается идеальный ремень для правки бритв. Тонкую книгу можно подкладывать под стол со сломанной ножкой для равновесия. Широкий атлас подойдет, чтобы закрыть окно с разбитым стеклом. А толстая старинная книга с застежкой — лучшая в мире вещь, которой можно запустить в крикливую кошку.

О кошках

Дом без кошки — и притом откормленной, обласканной и должным образом почитаемой кошки — может быть идеальным домом, но как он докажет это звание?

О любви и браке

Считают, что любовь растет очень быстро, но это совсем не так. Ни один человек не способен понять, что такое настоящая любовь, пока не проживет в браке четверть века.

В письме другу вскоре после своей свадьбы

Если женатые люди всегда так счастливы, как я счастлив в эти дни, то надо пожалеть, что у меня зря ушло целых тридцать лет жизни. Если бы я мог начать жизнь сначала, то женился бы во младенческом возрасте, вместо того чтобы терять время на прорезывание зубов и битье посуды.

О комплиментах

Не существует ничего, что можно было бы ответить на комплимент. Мне самому множество раз говорили комплименты, и они всегда меня смущали — я всегда чувствовал, что не было сказано достаточно.

О правде

Правда — самое ценное, что у нас есть. Давайте же ее экономить.

О музыке

Мы часто грустим, слушая музыку без слов, но еще чаще — слушая музыку без музыки.

О смерти

Все говорят: «Как плохо, что мы должны умереть», — странная жалоба в устах людей, которые должны жить.

О жизни

Жизнь слишком длинна и слишком коротка. Слишком длинна, чтобы не устать от нее; слишком коротка для работы, которую нужно сделать.

Литература

Балдицын П. В. Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы. — М.: ВК, 2004. — 300 с.

Боброва М. Н. Марк Твен. Очерк творчества. — М.: Гослитиздат, 1962. — 503 с.

Засурский Я. Н. Марк Твен и его традиции в литературе США // Марк Твен и его роль в развитии американской реалистической литературы. — М.: Наука, 1987. — С. 3—10.

Зверев А. М. О специфике смехового искусства Марка Твена // Марк Твен и его роль в развитии американской реалистической литературы. — М.: Наука, 1987. — С. 133—156.

Мендельсон М. О. Марк Твен. — М.: Молодая гвардия, 1964. — 432 с.

Оруэлл Дж. Присяжный забавник / Пер. Г. П. Злобина // http://orwell.ru/lit?a=rc&doc=/library/reviews/twain/russian/r_twain

Ромм А. С. Марк Твен. — М.: Наука, 1977. — 192 с.

Фонер Ф. Марк Твен — социальный критик. — М.: Изд-во иностр. лит., 1961. — 416 с.

Mark Twain's Bed // Washington Post. — March 26, 1905 // <http://www.twainquotes.com/Bambino.html>

Rasmussen R. K. Critical companion to Mark Twain: a literary reference to his life and work. — N. Y.: Facts On File, 2007. — 1140 p.

Sonneborn L. Mark Twain. — N. Y.: Chelsea House, 2011. — 125 p.

Twain's daughter talks about him // The New York Times. — June 14, 1908 // <http://www.twainquotes.com/19080614.html>

When in doubt, tell the truth: and other quotations from Mark Twain / (collected by) Brian Collins. — N. Y.: Columbia Univ. Press, 1996. — 142 p.

Янки из Коннектикута при дворе короля Артура

Необходимое объяснение

В Варвикском замке мне пришлось беседовать с одним интересным иностранцем, о котором я и хочу рассказать. Он привлек меня к себе тремя своими достоинствами: искренней простотой, замечательным знанием древнего рыцарства и тем спокойствием, которое исходило от него, поскольку все время он говорил почти один. Мы чувствовали себя, как чувствуют себя все скромные люди, сидящие у потухающего камина, а он, мой собеседник, говорил о таких любопытных вещах, которые были мне необыкновенно интересны. Он рассказывал мягким, плавным и ровным голосом и, казалось, незаметно переносил меня и из этого мира, и из этого времени в самую отдаленную эпоху и в давно забытую страну; постепенно он очаровывал меня, так что мне начало казаться, словно меня окружают призраки и тени среди пепла и праха седой старины и я беседую с одним из ее выходцев! Действительно, как я бы говорил о своих самых близких друзьях, или о моих личных врагах, или о соседях, так он рассказывал мне о сэре Бедивере, о сэре Борсе де Ганисе, о сэре Ланселоте Озерном, о сэре Галахаде — о других великих рыцарях Круглого стола. Когда он говорил об этом, то вся его внешность преобразилась: он выглядел таким старым-престарым, невыразимо старым; каким он мне показался тогда высохшим и выцветшим и древним! Но вот он повернулся ко мне и спросил так просто, как обычно спрашивают о погоде или о какой-либо другой, совершенно обыденной вещи:

— Вам, конечно, известно о переселении душ? Знаете ли вы о перенесении тел из одной эпохи в другую?

Я ему ответил, что никогда не слышал ничего подобного. Казалось, мой ответ слишком мало интересовал его и он даже, вероятно, и не

расслышал, ответил ли я ему что-либо или нет, точно у нас действительно шел разговор о погоде. С полминуты длилось молчание, но вот тишина нарушилась монотонным возгласом наемного проводника:

— Древние латы шестого столетия, времен короля Артура и Круглого стола, говорят, принадлежали сэру Саграмору Желанному; заметьте, здесь на левой стороне кольчуги находится круглое отверстие: откуда оно появилось, неизвестно в точности, предполагают, что эта пробоина была сделана еще до изобретения огнестрельного оружия. Скорее всего, этот выстрел был шуткой какого-нибудь солдата Кромвеля.

Мой собеседник улыбнулся при этих словах, но это была не современная, какая-то странная улыбка — так, возможно, улыбались несколько сотен лет тому назад. Затем он проворчал себе под нос:

— Хорошо же он это знает, я видел, когда это было сделано!

Затем, после небольшой паузы, он прибавил:

— Я сам это сделал!

Я вздрогнул и не успел опомниться от изумления, как незнакомец скрылся.

Весь остальной вечер я просидел у камина, думая о давно минувших временах. Дождь немилосердно стучал в стекла окон, а ветер выл, как дикий зверь. Время от времени я заглядывал в книгу сэра Томаса Мэлори, в которой рассказывалось так много чудесного и несбыточного, а затем опять предавался своим прежним мыслям. Наконец наступила полночь; на сон грядущий я взял прочитать другую повесть, а именно о том...

...Как сэра Ланселота убил двух исполинов и освободил от них замок

...Вскоре на него напали два исполина, вооруженные с ног до головы; в руках у них были две громадные палицы. Сэр Ланселот прикрываясь щитом и отразил удар одного из исполинов, затем быстро вынул меч и отрубил ему голову. Когда другой исполин увидел это, то бросился бежать, испугавшись страшных ударов, нанесенных его товарищу; но сэр Ланселот погнался за ним, ударил его по плечу и разрубил беглеца пополам. Избавившись от исполинов, он отправился в замок, откуда навстречу ему вышли около шестидесяти дам и девушек; все они преклонились перед ним и возблагодарили его и Бога за свое освобождение. «Ах, сэр, — сказали они, — большая часть из нас уже семь лет здесь в плену; нас принуждали делать различные работы, вышивать шелком, чтобы заработать себе на еду, а между тем все мы благородного происхождения. Благословен тот день и час, рыцарь, когда ты увидел свет Божий; назови нам свое имя, и мы прославим тебя, расскажем нашим родным и друзьям, кто нас освободил из неволи! Ведь ты достоин почестей, как ни один другой рыцарь в мире». — «Прекрасные леди! — сказал он, — мое имя сэр Ланселот Озерный!»

С этими словами он оставил их и уехал, поручив их милосердию Божьему. Ланселот вскочил на коня и объездил много чудесных и диких земель; приходилось ему и переправляться через реки, и мчаться по плодоносным долинам; много натерпелся он и дурного. И нигде не приняли его, как он того заслуживал. Но вот однажды ночью он подъехал к красивой усадьбе и встретил там благородную пожилую леди, которая поместила его у себя, накормила, напоила, а также приказала дать корму и его лошади. И когда пришло время, сэр Ланселот отправился в отведенное ему помещение, где ему была приготовлена удобная постель, и лег. Не успел он еще заснуть, как услышал конский топот и затем сильный стук в ворота. Сэр Ланселот быстро вскочил с постели и посмотрел в окно: при свете луны он увидел, что к усадьбе приближаются три рыцаря, которые спешили по следам того, который приехал первым и уже стучал в ворота. Все трое, подъехав ближе, вынули свои мечи и напали на него. Тот стал защищаться. «Конечно, — подумал про себя сэр Ланселот, — я должен помочь первому рыцарю, на него напали трое; если этот несчастный будет убит, то я буду виновен, будто окажусь их сообщником и покрою

себя позором». Он живо облачился в свои латы, спустился из окна по простыне к рыцарям и громко обратился к ним: «Рыцари! Сражайтесь со мной и оставьте этого одинокого рыцаря!» Тогда все три рыцаря оставили сэра Кэя и набросились на сэра Ланселота. Развернулась жестокая битва: на сэра Ланселота напали все трое и начали наносить ему удары со всех сторон. Тогда сэр Кэй хотел помочь сэру Ланселоту, но последний сказал: «Нет, я не хочу, сэр, чтобы мне помогали, оставьте меня одного бороться с ними». Сэр Кэй вынужден был исполнить его волю и остался стоять в стороне. А сэр Ланселот шестью ловкими ударами повалил на землю всех трех рыцарей.

Тогда все трое воскликнули: «Сэр рыцарь! Мы уступаем тебе как человеку, с которым в силе никто не может сравниться, так как нет никого подобного тебе!» — «Мне не нужно уступать. Вы должны уступить не мне, — возразил сэр Ланселот, — а сэру Кэю, сенешалю, только на таком условии будет дарована вам жизнь. Если вы не согласны, я вас убью». — «Прекрасный рыцарь! — ответили они. — Мы не желаем этого; мы гнались за сэром Кэем до самых ворот замка и, конечно, победили бы его, если бы ты не вмешался, потому нет никакой причины нам покоряться ему». — «В таком случае, — возразил сэр Ланселот, — как хотите, выбирайте между жизнью и смертью; хотите покориться, так покоряйтесь сэру Кэю...» — «Прекрасный рыцарь! — сказали они. — Ради спасения наших жизней мы исполним твое приказание». — «Хорошо, — продолжал сэр Ланселот, — в день Святой Троицы вы должны все трое отправиться ко двору короля Артура, выразить свою покорность королеве Гиневре, полагаясь на ее милость, и сказать, что сэр Кэй вас послал к ней и приказал стать ее пленниками».

На следующий день, утром, сэр Ланселот встал очень рано, а сэр Кэй еще спал; тогда сэр Ланселот взял латы, оружие и щит сэра Кэя, надел все это на себя, затем вывел из конюшни его лошадь, простился с хозяйкой и уехал. Вскоре проснулся сэр Кэй и увидел, что сэр Ланселот взял его оружие и уехал на его коне. «Клянусь моей верой, — сказал он сам себе, — что у сэра Ланселота будут неприятности при дворе короля Артура: подумают, что это я; он станет подстрекать моих врагов, а те, обманутые таким образом, примут его за меня и будут

нападать на него. Я же, с его оружием и прикрываясь его щитом, смогу продолжать путь в полной безопасности». Простившись с хозяйкой, сэр Кэй отправился далее...

Только я опустил книгу на колени, как послышался стук в дверь — это был незнакомец. Я предложил ему трубку и стул; затем, в ожидании его рассказа, угостил его стаканом шотландского виски; он выпил один стакан, потом второй, третий и лишь после четвертого стакана он начал говорить совершенно спокойным и естественным голосом.

Рассказ незнакомца

Я родом американец; родился я и воспитывался в Хартфорде, в штате Коннектикуте, там, за рекой. Следовательно, я настоящий янки и поэтому человек практичный; я вполне застрахован от всякой сентиментальности или, говоря другими словами, не увлекаюсь поэзией. Мой отец был кузнецом, дядя коновалом, я же в юности — тем и другим. Наконец я попал на настоящую дорогу — поступил на оружейный завод и выучился там всему, чему только можно было выучиться: я научился отливать пушки, делать револьверы, котлы, машины, земледельческие орудия. Однако я мечтал сделать что-нибудь особенное, именно такую вещь, которая удивила бы весь мир и которую я сделал бы так же легко, как какой-нибудь блок. Если я не мог найти новейшего способа быстро сделать какую-то вещь, я сам изобретал его. И вот меня назначили главным управляющим, у меня было несколько тысяч человек подчиненных.

Человек, занимающий такое положение, конечно, должен быть боевым, много бороться, очень много — об этом нечего и говорить. Когда под вашим надзором столько подчиненных, от борьбы не уйдешь. Досталось же и на мою долю порядочно, я получил сполна. Это произошло во время недоразумений, возникших с ломовиками, которых возглавлял один парень, прозванный нами Геркулесом. Он угостил меня таким ударом по голове, что мне показалось, будто у меня раздробился череп, потом посыпались искры из глаз, а затем все потемнело. Я ничего не чувствовал, ничего не сознавал, по крайней мере несколько минут.

Когда я очнулся, я сидел на зеленой мягкой траве, под тенистым дубом; передо мной расстился чудесный ландшафт, которым я мог вдоволь любоваться. Впрочем, не совсем вдоволь, так как передо мной, глядя на меня сверху вниз, гордо сидел на коне всадник, точно вырезанный из книги с картинками. Он был весь закован в железную броню с головы до ног; у него был на голове шлем, похожий на

бочонок с прорезями, он держал щит, меч и громадную пику; пышная попона его лошади из красной и зеленой шелковой материи спускалась почти до самой земли и была украшена гербами; у седла был привешен стальной рожок.

— Прекрасный сэръ, не желаешь ли сразиться со мной? — спросил всадник.

— Не желаю ли чего? — не без удивления повторил я.

— Не хочешь ли позабавиться оружием ради твоего отечества, ради какой-нибудь прекрасной леди или ради...

— Что вы мне предлагаете? — удивился я. — Отправляйтесь обратно в ваш цирк, а не то я донесу на вас в полицию.

И что же сделал всадник? Он повернулся и отъехал на несколько сот ярдов назад, затем пригнулся к шее лошади, вытянул свою длинную пику и стремглав помчался прямо на меня, выставив вперед свою пику. Я вскочил с того места, где сидел под деревом, когда понял, что он не шутит, и мгновенно взобрался на дерево.

Он считал меня своим пленником и объявил мне об этом. Поскольку преимущества были на его стороне, я с ним согласился и мне пришлось волей-неволей как-нибудь улаживать дело. Мы пришли к соглашению: я пойду вместе с ним, куда он прикажет, но он не причинит мне вреда. Итак, мы отправились в путь. Я шел рядом с его лошадей. Нам пришлось идти через поляны, опушки леса, ручейки, которых я никогда не видел прежде; все это удивляло и поражало меня. Мы долго шли, но не видно было и признака какого-либо цирка. Тогда я совершенно отказался от своего первого предположения, что этот всадник был из цирка, а думал, что он, вероятно, сбежал из какого-нибудь дома умалишенных. Но мы продолжали двигаться вперед, а вблизи не было видно никакого здания. Я терялся в догадках, как это обыкновенно говорится. Наконец я решился спросить его, далеко ли мы от Хартфорда. Он ответил, что никогда не слышал такого названия; это я счел за ложь, но вслух своего мнения не выразил. Прошло около часа, когда вдали показался город, дремлющий в долине и

расположенный на берегу извилистой реки. У входа в этот город на холме была построена большая серая крепость с башнями и бастионами — такие крепости я видел только на картинах.

— Бриджпорт? — спросил я, указывая на город.

— Камелот, — ответил мой спутник.

.....

Тут мой незнакомец стал зевать, и ясно было видно, что его клонит ко сну; на его губах опять появилась его обычная странная патетическая улыбка, и он сказал:

— Я не могу продолжать дальше, но у меня все это записано; пойдите ко мне, я вам дам рукопись, и вы можете прочитать это, когда вам вздумается.

Когда мы пришли в его комнату, он произнес:

— Сначала я было вел дневник, но с годами этот дневник я превратил в книгу. Ах как все это было давно!

Он вручил мне свою рукопись и указал место, с которого я должен был начать читать.

— Начинайте отсюда, — указал он, — то, что было раньше, я вам уже рассказал. В это время он казался погруженным как бы в состояние летаргии.

Когда я вышел за дверь, то слышал, как он сонно пробормотал:

— Покойной ночи, прекрасный сэр.

Я пришел к себе, уселся у камина и стал рассматривать свое сокровище. Первая часть этой рукописи — более объемистая часть — была написана на пергаменте, пожелтевшем от времени. Я поскоблил один листок и увидел, что это палимпсест[1]. Из-под старого неразборчивого писания историка-янки выступали следы старинных букв, которые были еще более древние и неразборчивые, — латинские слова и сентенции: очевидно, отрывки старинных монастырских легенд. Наконец я нашел то место, с которого следовало начинать по указанию незнакомца, и прочитал нижеследующее...

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ